

На измученный летней жарой город опускалась ночь, но она не могла принести облегчения его жителям. Слишком уж раскалились за день асфальт дорог и бетон стен. Покинувшее небо солнце, казалось, позволило одуревшим от духоты людям выйти из своих убежищ, но разогревшийся за день воздух продолжал обжигать их своим знойным дыханием.

Кондиционеры, облепившие здания подобно гнездам невиданных животных, натужно гудя, создавали иллюзию прохлады, обрушивая на своих хозяев миллиарды микробов, роящихся на их радиаторах. Но даже они не могли победить ужасную жару, давая лишь временное облегчение прячущимся под ними и заставляя простужаться и заражаться несчастных.

К тому же кондиционеры и сплит-системы были далеко не у всех. У Шурки, к примеру, не было ни того, ни другого. Хозяева квартиры жались, а устанавливать за свой счет, зная, что рано или поздно придется съезжать, было немного глупо. Правда, можно было поехать к сестре. Алена ее постоянно звала и даже предлагала совсем переехать к ним, по крайней мере на время, но Александра отказывалась, не желая стеснять своих близких. Она вообще с детства была девушкой самостоятельной и привыкла решать свои проблемы в одиночку.

Но сегодня, пожалуй, можно было сделать исключение и навестить богатых родственников, тем более

что они ее приглашали. Душ не принес желанного облегчения, но все же немного освежил ее. И, натянув на себя просторную футболку и шорты, Шурка вышла из дома. Лифт, как всегда, не работал, так что на улицу она вышла изрядно запыхавшись. Парковок в этих местах отродясь не водилось, так что все возможное пространство было занято машинами местных жителей. Тяжело вздохнув, девушка двинулась к остановке, миновав по пути компанию молодых людей, распивающих ледяное пиво из пластиковых бутылок.

— Гляди, мужик беременный, — показал пальцем один из них, и вся компания довольно заржала.

Ругаться с ними не было ни сил, ни желания. К тому же Шурка действительно внешностью и поведением напоминала больше молодого человека, нежели девушку. Раньше. До беременности.

Этот стиль она выбрала очень давно, еще в детстве. Когда в школе отменили форму, из ее гардероба постепенно исчезли юбки и платья, уступив место джинсам и рубашкам. Почему? Просто так удобнее. Зачем мучиться с каблуками, если можно обуть кеды? Для чего битый час расчесывать волосы, если короткую мальчишескую прическу достаточно поправить пятерней?! Мама с сестрой поворчали, но смирились, а больше у нее никого не было.

Разве что Ванька. Они были довольно дальними родственниками и дружили с детства. По сути, он был единственным ее настоящим другом, и это было хуже всего. Дело в том, что Шурка относилась к нему совсем не по-дружески и уж тем более не по-родственному. Но сначала она была маленькой, а потом он влюбился в ее сестру. В Алену было трудно не влюбиться, она была настоящей красавицей, а Александра... стала Шуркой. Они вместе гуляли, пили пиво, возились с маши-

ной и ходили на речку. Причем этот чурбан, увидев ее в купальнике, непременно делал большие глаза и недоуменно спрашивал: «Ты что, девчонка? Я и не знал...» Блин, убила бы!

То, что она девушка, он не разглядел, даже когда Алена вышла замуж. Случилось это довольно спонтанно и стало для всех полной неожиданностью. Во всяком случае, для Ивана точно. Он тогда на пару лет пропал, а затем, когда вернулся, все пошло по-прежнему. Шурка — свой парень и они — лучшие друзья. Потом случилась эта дурацкая поездка в Германию, и оказалось, произошло чудо. Она впервые была с ним близка... хоть и не одна. Вот уж не думала, что когда-нибудь докатится до такого! Это же надо, так напильсь, что устроили тройничок... а на другой день его убили. Вот и слушай после этого рассказы про безопасную Европу и ужасную Рашку, где по улицам ходят пьяные медведи с балалайками.

Какой-то придурок попытался выхватить у Алены сумку, Иван вступился и получил удар ножом в бок. До больницы его не довезли. Глупая смерть, если они вообще бывают умные. Узнав о потере, Шурка выла в голос как раненая волчица, испугав и сестру, и ее подругу Светлану. Да-да, ту самую третью участницу их приключения. Та, разумеется, тоже всплакнула, да и с Аленой едва удар не случился, но все же больше всех убивалась именно Александра. Будь она проклята — та Германия и особенно этот мерзкий Кляйнештадт!

Короче, от поездки остались только горькие воспоминания, да еще сюрприз в животе. Она тогда, чтобы заглушить боль, с головой окунулась в работу и, заматавшись, не обращала внимания ни на задержки, ни на самочувствие, и лишь когда живот стал расти, догадалась сходить к гинекологу. И вот пожалуйста — мужа

нет, своего жилья нет, аборт делать поздно, да и убить ребенка от любимого человека...

В общем, Шурка решила рожать. Пока сбережения были, а потом можно будет вернуться домой к матери. Не выгонит же она ее, в конце концов? Потом... так далеко она не заглядывала.

Алена с мужем жили за городом в собственном доме. Вокруг дома был неплохой сад, создававший тень, а еще там был бассейн, сплит и все, что необходимо, чтобы пережить летний зной.

— Шурка, привет! — крикнул ей Лешка, возившийся во дворе с радиоуправляемым вертолетом. — Ты чего не позвонила, я бы встретил?

— Ничего, я сама прекрасно добралась, — отдуваясь, ответила та. — А где Алена?

— В воде, естественно, — пожал плечами зять. — Дельфина изображает!

На самом деле сестра лежала на шезлонге в одном купальнике и наслаждалась слабым ветерком, ласкавшим ее нежную кожу. Несмотря на то что солнце уже зашло, она все еще была в темных очках, придававших ее лицу выражение загадочности. Впрочем, увидев Александру, она сдвинула их наверх и поднялась ей навстречу, после чего они расцеловались.

— Как ты себя чувствуешь? — участливо спросила Алена.

— Спасибо, хреново, — отозвалась Шурка, устраиваясь поудобнее.

— Что-то случилось?

— Пока нет, но уже скоро.

— Ах вот ты о чем, — вздохнула сестра. — Везет же тебе!

Это была давняя боль Алены и Алексея. Рано поженившись, они хотели пожить для себя, а потому не

спешили заводить детей. Причем настолько, что когда средства предохранения не сработали, муж уговорил ее прервать беременность. И вроде бы операция прошла без осложнений, но, когда они задумались наконец о продолжении рода, забеременеть у Алены не получалось. Они показывались многим специалистам, но те лишь разводили руками.

— Да уж, повезло так повезло! — пробурчала Шурка, прекрасно знавшая эту историю.

— Как странно все складывается, — продолжала сестра, думая о своем. — Вы всегда были с Иваном рядом, но никогда вместе. Я даже удивлялась, почему так...

— А то ты не знаешь!

— Да ладно тебе, — смутилась Алена. — Это когда было-то? Можно сказать — в детстве.

— Угу, вот только мужики — они ведь в принципе как дети. Посмотри хоть на своего!

В этот момент Алексею удалось завести свою игрушку, и вертолет, жужжа, как большой шмель, пролетел над сестрами, а сам «авиамеханик» с довольным криком понесся вслед за ним, размахивая пультом. Крыть было нечем, и переглянувшиеся сестры рассмеялись.

— Есть хочешь?

— Ага, только душ приму.

— Может, в бассейн?

— Он от меня никуда не уйдет.

Ужин прошел почти весело. Лешка, посчитав свою победу над непокорным летательным аппаратом трудовым подвигом, достал из холодильника пива и с удовольствием смаковал его. Алена тоже не отказалась, и лишь Шурка, проявляя заботу о будущем малыше, сидела как дура трезвая. Впрочем, ее в последнее время мутило и без спиртного. Сестра, заметив ее состо-

яние, предложила ей пойти в комнату, и та, подумав, согласилась.

— Сань, ты ж рожать сегодня не будешь? — спохватился шурин. — А то я...

— Еще две недели, — успокоила его свояченица. — Так что можешь догоняться.

— Ты как-то неважно выглядишь, — встревоженно спросила сестра. — Спишь плохо?

— Да не то чтобы плохо, — скривилась Шурка. — Просто сны какие-то дурацкие снятся.

— Какие сны?

— Да так просто и не объяснишь... Дома средневековые, люди в старинных нарядах, герцогини, принцы, служанки... и самое главное, реально так всё. Кажется, протяни руку и потрогаешь.

— Ни фига себе у тебя глюки!

— Сама в шоке.

— Ну, ладно, отдыхай. Может, сегодня обойдешься без своих видений.

— Хорошо бы, — откинулась на подушку Шурка и слабо улыбнулась. — Спокойной ночи!

— И тебе, родная!

Герцогство Померанское по германским меркам довольно велико и благополучно. В нем немало богатых городов и зажиточных деревень, а правят в тех землях герцоги из древней династии Грифичей. Правда, в последнее время этот некогда большой и сильный род начал угасать. У умершего в 1606 году герцога Богуслава XIII было одиннадцать детей, семеро из которых дожили до зрелого возраста. Однако на нем божье благоволение и закончилось, ибо из всех сыновей только один имел потомство — трагически погибший князь Дарлова Георг. А вот его старшие братья — Филипп,

Франц и Богуслав, несмотря на то, что долгое время были женаты, детей не имели. Правда, был еще один, до сих пор неженатый, принц Ульрих, и именно на этого молодого человека с надеждой смотрел весь род.

Но почему же вся надежда была лишь на принца Ульриха, если подрастал сын покойного Георга Дарловского? Все дело в том, что маленький Иоганн Альбрехт родился уже после смерти отца и потому носил прозвище Посмертный. И хотя княгиня Агнесса Магдалена родила его в положенный срок, кое-какие сомнения оставались, ведь несчастный случай с князем Георгом произошел вскоре после свадьбы. Говорили даже, что глава рода, герцог Штетинский Филипп, нисколько не сомневался в незаконном происхождении малыша и даже пытался выгнать его с матерью из Померании. Однако потом он смягчился и передумал. Впрочем, Филипп, которого за стойкость в вопросах веры все называли Набожным, скончался этой зимой, и на престол взошел его брат Франц. На торжества, посвященные коронации нового герцога, собрался весь род, включая его старшую сестру Клару Марию, вместе с мужем, герцогом Августом Брауншвейг-Вольфенбюттельским. Это был второй брак герцогини, но более известна она благодаря первому, с герцогом Сигизмундом Августом Мекленбург-Стрелицким, а их единственного сына звали Иоганн Альбрехт... Да-да, Клара Мария была матерью русского царя!

Кроме того, на церемонию приехала ее невестка Катарина Шведская, вместе с сыном Карлом Густавом и дочерью Евгенией. Прибытие ее привело к некоторой неразберихе, поскольку никто не знал, как ее титуловать. В Стокгольме она была принцессой, в Мекленбурге — великой герцогиней, а в Москве была бы

царицей, правда, там она еще не побывала, а следовательно, не была коронована...

— Рад приветствовать ваше королевское высочество, — нашелся с этим лично выехавший ей навстречу герцог Франц, и сестра шведского короля, к его счастью, ничем не выдала своего неудовольствия.

— Ах, дорогой дядя, — улыбнулась она, выходя из кареты, — оставьте эти несносные церемонии для торжественных приемов...

— Надеюсь, вы не слишком устали с дороги? Право, я ожидал, что вы прибудете морем.

Легкая тень пробежала по лицу Катарини, но в следующую секунду она справилась с собой и обворожительно улыбнулась:

— Я куда больше люблю путешествовать посуху. Кстати, герцогиня Вольфенбюттельская уже здесь?

— Да, и вы скоро сможете увидеть ее, поскольку приготовленные для вашего королевского высочества апартаменты находятся рядом с покоями моей сестры.

— Чудесно.

Как только приехавшие дамы смогли привести себя в порядок, последовал торжественный обед, на который собрались все гости. Сестра короля и жена царя — величина немалая, и потому Катарине отвели самое почетное место рядом с герцогом, который весьма галантно ухаживал как за ней, так и за ее свекровью, расположившейся по другую сторону стола. Поначалу Грифичи чувствовали себя несколько натянуто, но их высокопоставленная гостья была мила, приветлива, и скоро все непринужденно болтали, как это водится между родственниками.

— Дорогой дядюшка, — спросила Катарина в перемену блюд, — а кто те дамы в конце стола?

— Какие именно? — переспросил он, занятый разговором с сестрой.

— Франц, тебя спросили о княгине Дарловской, — немного скрипучим голосом уточнила ничего не упускавшая Клара Мария.

— Княгиня Дарловская... — прикусила губу шведская принцесса.

— Да, это вдова моего брата Георга, княгиня Агнесса Магдалена, и ее приближенная — госпожа фон Нойбек.

— Никогда не слышала, — спокойно сказала Катарина и отвернулась, чтобы не видеть ехидной усмешки свекрови.

Герцог Померании почувствовал себя немного неловко и нервно спросил сестру:

— Клара, на чем мы остановились?

— Мы остановились на нашем беспутном братце Ульрихе, которому давно пора жениться.

— Ах, да... кстати, ты говорила, что у вас есть хорошая партия для него?

— Ничего подобного я не говорила! — возразила она. — Это мой Август толковал тебе о принцессе Гедвиге.

— Да-да, принцесса Гедвига, — тут же подхватил сидящий рядом с женой герцог Август, — весьма благовоспитанная и набожная девушка, которая вполне могла бы составить счастье...

— Лучше бы ты, Франц, побеспокоился об Анне, — прервала излишняя жена Клара Мария и требовательно посмотрела на брата. — Бедняжке уже скоро двадцать восемь, а она все не замужем! Для мужчины это нормально, но для девицы, согласишься — чересчур!

— Уж не хотите ли вы сказать, матушка, что она старая дева? — нахмурилась Катарина, вышедшая замуж примерно в этом же возрасте.

— Я хочу сказать, — сказала как отрезала герцогиня, — что покойный Филипп едва не испортил нашей сестре жизнь, чрезмерно изучая нравственность потенциальных женихов!

— Ты излишне драматизируешь, сестра, причем совершенно напрасно! Скоро состоится помолвка Анны с Эрнестом де Крой, и не пройдет и года, как она выйдет за него замуж!

— Очевидно, матушка полагает нравственность не слишком важным качеством для мужчин... — тихо сказала шведская принцесса, но свекровь все равно ее услышала.

— Вы не правы на мой счет, дитя мое, уж я-то прекрасно знаю, как может быть несчастна женщина, муж которой далек от нравственности. Однако я также знаю, что требовать нравственности от мужчины, находящегося вдали от жены — напрасный труд!

— Что вы хотите этим сказать? — ледяным тоном осведомилась Катарина.

— Я хочу сказать, милочка, что вам давно пора быть в Москве!

— Как вы можете так говорить, — возмутился сидевший подле принцессы прибывший в ее свите епископ Глюк, — разве вы не знаете, что ее высочество хотели заставить отречься от христианской веры!

Голос епископа стал проникновенным, будто он перед этим долго постился, готовясь к проповеди, а не объедался, пропустив мимо ушей половину разговора. Впрочем, жирные губы и прилипшая к подбородку крошка несколько портили впечатление от его велеречивости. Тем не менее все услышавшие его замолкли, с недоумением наблюдая за приключившимся скандалом. Однако Клара Мария была не из тех, кого легко смутить.

— Да будет вам известно, святой отец, что страна, где мой сын стал государем, приняла христианство гораздо раньше той, в которой родились вы. А потому не смейте оскорблять его и его подданных в моем присутствии, ибо оскорбление величества есть совершенно непростительное преступление, и мы, слава богу, не паписты, епископы которых неподсудны светским властям!

Высказав все, что она думала, герцогиня поднялась и, поблагодарив за угощение, удалилась вместе с мужем в свои покои. Следом за ней зал покинула Катарина, а затем к выходу потянулись и другие. Похоже, вечер был безнадежно испорчен.

Пока собравшиеся на торжественный обед выясняли отношения, в саду собрались дети и сопровождавшие их няньки. Трудно сказать, отчего так получилось, но скоро два мальчика и две девочки, гуляющие по разным аллеям, оказались рядом и с интересом уставились друг на друга.

— Кто это, Карл? — спросила самая маленькая девочка, крепко державшая за руку своего брата.

— Я не знаю, — отвечал он ей неуверенно, — но если хочешь, мы познакомимся.

— Хочу, — немедленно заявила малышка, которой на вид было не более пяти лет.

Мальчик немедленно принял полную достоинства позу и торжественно заявил:

— Меня зовут принц Карл Густав, а это моя сестра принцесса Евгения. А теперь назовитесь вы!

— Меня зовут принц Иоганн Альбрехт, — учтиво поклонился второй мальчик, бывший примерно на год старше Карла Густава.

Самая старшая девочка приветливо улыбнулась и сделала книксен.